

Жизнь -есть сон (La vida es sueño) - Пьеса (1636)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Василий (Басилио), царь Польский
Сигизмунд, сын его
Астольф, Московский князь
Клотальдо, старик
Кларин, слуга
Эстрелла, инфанта
Розаура, дама (боярышня)
Солдаты, придворные, слуги, стража и музыканты

Действие происходит в пустыне, в царском дворце и на поле битвы.

В безлюдной горной местности, неподалеку от двора польского короля, заблудились Розаура, знатная дама, переодетая в мужское платье, и ее слуга Кларнет. Близится ночь, а вокруг ни огонька. Вдруг путники различают в полумраке какую-то башню, из-за стен которой им слышатся жалобы и стенания: это проклинаяет свою судьбу закованный в цепи Сехизмундо.

Он сетует на то, что лишен свободы и тех радостей бытия, что даны каждому родившемуся на свет. Найдя дверь башни незпертой, Розаура и Кларнет входят в башню и вступают в разговор с Сехизмундо, который поражен их появлением:

(Дверь башни открывается, и выходит
Сигизмунд в цепях, одетый в звериную шкуру.
В башне горит огонь.)

Сигизмунд
О, я несчастный, о, страдалец!
Хочу, о, небо! я узнать,
Какое зло своим рождением
Тебе я сделал, если ты
Со мною так всегда сурово?
Но понимаю, я родился,
И преступление готово.
Твое жестокое решение
Причину явную имеет:
Весь самый величайший грех
Для человека есть родиться.
Но мне хотелось бы узнать,
Чтобы мое сомнение кончить,
(Оставив в стороне теперь
Тот тяжкий грех, что я родился)
Чем мог еще я провиниться,
За что мне больше наказание?
Другие разве не рождались?
Конечно, и они родились,
Но преимущество у них,
Которым я не наслаждаюсь.
Родится птица; перьев блеск
Дает ей высшую красу;
Но что она? цветок из перьев,
Букет крылатый, а как быстро
Летит в эфирное пространство,
Как быстро рассекает воздух,
Гнездо спокойно покидая
И негу тихую его!
Ведь у меня побольше духа,
Так почему ж свободы меньше?
Родится зверь: с своею шкурой,
Которая вся в пестрых пятнах,
Он лишь подобье звезд небесных,
(Хвала природы мудрой кисти!)
Но голод мучит и его,

Становится он смел и жаден,
Страшит жестокостью своей,
Пустыни целой он гроза.
А я с душой гораздо лучшей
Свободу меньшую имею!
Родится рыба, что не дышит,
Ублюдок пены и травы,
И лишь она себя увидит
Корабликом из чешуи,
Как всюду плавать начинает
С такой проворностью, какую
Холодные пучины моря
Ей оставляют для движенья.
Ведь лучше разум у меня,
Но почему свободы меньше?
Из-под земли ручей пробился,
И, как серебряная змейка,
Среди цветов сверкает он,
И прелесть их он прославляет
Своим журчаньем музыкальным,
И широко открыто поле
Для бега звучного его!
Ведь больше жизни у меня,
Но почему свободы меньше?
О, как в темнице я томлюсь!
И став Вулканом или Этной,
Хотел бы из груди я вырвать
И разорвать на части сердце.
Какой закон и справедливость
И разум могут у людей
Такое право отнимать,
Такое сладостное право,
Какое дал Творец ручью,
И рыбам, и зверям, и птицам?

Розаура

И страх и жалость пробудили
В душе моей его слова.

За всю свою жизнь юноша видел только одного человека - своего тю-ремщика Клотальдо.

На звук их голосов прибегает уснувший Клотальдо и зовет стражников - они все в масках, что сильно поражает путников. Он грозит смертью незванным гостям, но Сехизмундо решительно вступает за них, угрожая положить конец своей жизни, если тот их тронет. Солдаты уводят Сехизмундо, а Клотальдо решает, отобрав у путников оружие и завязав им глаза, проводить их подальше от этого страшного места. Но когда ему в руки попадает шпага Росауры, что-то в ней поражает старика, Росаура поясняет, что чело-век, давший ей эту шпагу (имени его она не называет), приказал от-правиться в Польшу и показать ее самым знатным людям королевства, у которых она найдет поддержку, - в этом причина появления Росауры, которую Клотальдо, как и все окружающие, при-нимает за мужчину.

Оставшись один, Клотальдо вспоминает, как он отдал эту шпагу когда-то Вьоланте, сказав, что всегда окажет помощь тому, кто при-несет ее обратно. Старик подозревает, что таинственный незнако-мец - его сын, и решает обратиться за советом к королю в надежде на его правый суд.

За тем же обращаются к Басилио, королю Польши, инфанта Эстрелья и принц Московии Астольфо. Басилио приходится им дядей; у него самого нет наследников, поэтому после его смерти престол Польши должен отойти одному из племянников - Эстрелье, дочери его старшей сестры Клорине, или Астольфо, сыну его младшей сестры Ресизмунды, которая вышла замуж в далекой Московии.

Оба претен-дуют на эту корону: Эстрелья - потому, что ее мать была старшей се-строй Басилио, Астольфо - потому, что он мужчина. Кроме того, Астольфо влюблен в Эстрелью и предлагает ей пожениться и объе-динить обе империи. Эстрелья равнодушна к красивому принцу, но ее смущает, что на груди он носит портрет какой-то дамы, который никому не показывает.

Когда они обращаются к Басилио с просьбой рассудить их, он открывает им тщательно скрываемую тайну:

Племянники, вам мой привет!
Я знаю, что и вы с любовью
Моей любви пришли на встречу.
О, верьте мне, нет человека,
Которого бы я обидел;
И вас не стану обижать и.

Я сознаю, что я согнулся
Под тяжким бременем годов,
И потому прошу смиренно
У вас молчания; потом
Настанет время изумленью,
Когда услышите рассказ
О том, что мнится невозможным.
Вы знаете, друзья мои,
Что в мире за свои познания
Стяжал я имя мудреца.
Бессильны время и забвенье
Мне повредить, когда повсюду,
На всем земном огромном шаре
Тиманта кисть, Лизиппа мрамор
Меня давно провозгласили
Василием великим. Все
Вы знаете, что до сих пор
Одной науке предан я,
Науке цифр и вычислений.
Нас учит каждый новый день,
Молва несет нам поученье,
Но предвосхитил я наукой
Обязанности их и право:
В своих таблицах вижу я
Все новости веков грядущих,
Все есть "теперь" в моих таблицах.
Что нового расскажет время?
Все сам могу я рассказать.
Небесный свод с его красою,
Лучами солнца освещенный
Иль озаряемый луной,
Миры бриллиантов и кристаллов,
Где звезды ласково сияют
И блещут знаки зодиака -
Вот вам предмет моих занятий
В течение многих, долгих лет;
Вот книги вам мои, в которых
На бриллиантовой бумаге
И на сапфировых страницах,
Златыми буквами, понятно
Судьбу людскую пишет небо,
Благоприятную и злую {19} 19 Одним словом, Василий занимается астрологией.
Так быстро их читаю я,
Что духом следую своим
За ними в быстром их движении,
И, прямо и на поворотах.
О, если б раньше умер я,
Небесным гневом пораженный,
Чем комментарием стал ум мой
Движенья звезд, регистром неба {20}! Прозаическое смелое сравнение
Ах! кто несчастен, для того
И преимущество есть нож!
Кто небом осужден на знание,
Тот самого себя убийца.
И это лучше, чем я сам,
Судьба моя вам разъяснит.
У вас я вновь прошу молчанья:
Чудесен будет мой рассказ!
От Клорилены дорогой
Имел несчастного я сына;
И кажется, что все приметы,
Какие бедствием грозят,
Свершились при его рождении {21}.
Так, прежде чем на божий свет
Он вышел из гробницы чрева, -
Рождение подобно смерти, -
Среди видений беспокойных
Приснилось матери его,
Что зверь, по виду человек,
Ей внутренности разрывал,

И, вся в крови, она родила
Ехидну злую, человека,
И тотчас после умерла {22}. В древности и в Средние века полагали, что рождение ехидны влекло за собой.
Но вот приходит день рождения, неминуемую смерть ее матери
И предсказания совершились.
Как редко ложными бывают
Те предсказания, что печальны!
Таков был сына гороскоп:
Окрашенное кровью солнце
С луной вступало в бой жестокий;
Земля была их валом темным;
Они схватиться не могли
Руками, но сражались светом.
Такого страшного затмения
Ни разу с солнцем не случилось
С тех давних пор, как смерть Христа
Оно оплакало однажды.
Земля затоплена пожаром
Была зловещего огня
И думать в ужасе могла,
Что час ее пришел последний.
Небесные затмили своды,
Дрожали здания на земле,
Дождь каменный на землю падал,
Текли волной кровавой реки {23}. Евангелие от Матфея, гл. 27, рассказ о знамениях, бывших при
И в этот страшный час, когда смерти Иисуса Христа.
Казалось безумным солнце,
Родился Сигизмунд и сразу
Свою природу обнаружил;
Родился он, скончалась мать,
И он, причина этой смерти,
Сказал жестокие слова:
"Я человек, и потому
Отплачиваю злом за благо".
И я в науке стал искать
Разгадку ужасов таких
И увидел, что Сигизмунд
Жестокий будет человек,
Монарх - губитель благочестья;
Добычей войн междоусобных
Из-за него вся Польша станет
И будет школою измены,
И академией пороков.
А он, безумьем увлеченный,
Среди разврата и злодейств,
Поднимет руку на меня,
И голова моя седая
Его ногам подстилкой будет.
О, горе мне! И предсказаниям
Поверил я; и как не верить
Тому, что говорит наука?
Себя мы любим и охотно
Заботимся мы о себе.

И так, предсказывало небо
Несчастья и мне и Польше;
Решил животное смирить я,
Хотя и сам родил его,
Смирить затем, чтобы узнать,
Покорны ль звезды мудрецу?
Объявлено народу было,
Что мертвым родился наследник,
А я, обдумав осторожно,
Велел в горах построить башню,
Куда и свет едва проникнет,
И вход в которую закрыт
Громадой мрачных обелисков.
Суровые мои законы,
Тогда объявленные всем,
Чтобы никто под страхом смерти

Проникнуть в горы те не смел,
Причиною имели то,
О чем сейчас я вам сказал.
Там Сигизмунд живет поныне,
Несчастный, жалкий, в тяжком плене;
При нем находится Клотальдо,
И только он с ним говорит;
Наставник Сигизмунда он;
Он научил его наукам
И католическою верой
Ребенка душу просветил;
И только он был до сих пор
Свидетелем невольных мук
И униженья Сигизмунда.

Здесь три вопроса перед нами;
Сначала первый укажу.
Я так люблю вас, дети Польши,
Что в рабство королю-тирану
Отдам ли вас когда-нибудь?
А кто в несчастья такие
Отчизну ввергнет, государем
Великодушным быть не может.

Второй вопрос не легче будет:
Прилично ли христианину
Дитя свое тех прав лишить,
Какие и людьми и небом
За ним быть признаны должны?
Такого нет еще закона -
Тираном быть, чтобы других
Спасать от дерзкого тирана,
Когда мы согласимся с тем,
Что будет Сигизмунд тираном.
И хорошо ли делать зло,
Другое зло предупреждая?
И, наконец, еще вопрос:
Я предсказаниям поверил,
Но хорошо ли так легко
Поверить им без колебаний?
Хотя несчастьями грозит
Характер дикий Сигизмунда,
Быть может, зло не победит!
Нам мнится, рок неумолим,
Дурны наклонности, планета
Вещает гибель, но они
Склоняют только нашу волю,
А не насилуют ее ¹.

И так колеблясь, размышляя,
Придумал наконец я средство;
И всех вас изумит оно!
Сегодня ночью Сигизмунда,
Ему не открывая раньше,
Что он мой сын и ваш король,
Я во дворец велел доставить.
Под балдахином королевским
Он на моем воссядет троне,
Повелевать он будет вами,
А вы в покорности ему
Дадите клятву. Трех вещей
Я этим способом достигну
И дам ответ на три вопроса,
Сейчас поставленные вам.
Быть может, злое предсказанье
Пустым окажется обманом,

---

¹ Убеждение в силе и свободе человеческого духа, сближающее Кальдерона с Софоклом; ср. знаменитый хор из Антигоны, начинающийся словами: "Много могучего в свете, но что человека могучей?"

И Сигизмунд умом и лаской
Любовь всеобщую заслужит,
И государем вашим будет
Тот, кто имеет все права,
Хотя и был он до сих пор
Товарищем зверей пустыни
И блеск придворного и ловкость
Мог показать лишь пред горами.

А если он и в самом деле
Безумный, дерзкий и жестокий,
Поводя закусив, помчится
Чрез поле мерзостных пороков,
Тогда я долг исполню свой:
Преодолев души страданья,
Лишу я Сигизмунда власти,
В темницу вновь его отправлю,
И заключение уж не будет
Жестокостью, но наказаньем.
И, наконец, когда мой сын
Характер дикий обнаружит,
Вас всей душой любя, вассалы,
Других я дам вам королей,
Достойных скиптра и короны:
Они - племянники мои!
Соединив права обоих,
Сердца связав святыней брака,
Отдам Эстрелле и Астольфу
Корону и свои владенья.
Вполне заслуженные ими.

Басилио хочет резко изменить судьбу наследного принца: тот окажется на троне и получит возможность править. Если им будут руководить добрые намерения и справедливость, он останется на троне, а Эстрелья, Астольфо и все подданные королевства принесут ему присягу на верность.

Тем временем Клотальдо приводит к королю Росауру, которая, тронутая участием монарха, рассказывает, что она - женщина и оказалась в Польше в поисках Астольфо, связанного с ней узами любви - именно ее портрет носит принц Московии на груди.

Клотальдо оказывает молодой женщине всяческую поддержку, и она остается при дворе, в свите инфанты Эстрельи под именем Астреа. Клотальдо по приказу Басилио дает Сехизмундо усыпляющий напиток, и, сонного, его перевозят во дворец короля. Здесь он просыпается и, осознав себя владыкой, начинает творить бесчинства, словно вырвавшийся на волю зверь: со всеми, включая короля, груб и резок, сбрасывает с балкона в море осмелившегося ему перечить слугу, пытается убить Клотальдо

Василий
Что здесь случилось?

Астольф
Ничего, когда
Сюда пришел ты, государь.

Сигизмунд
Конечно,
Здесь не случилось ничего, хотя
Ты и пришел сюда; убить хотел я
Клотальдо.

Василий
Оскорбить его седины?!

Клотальдо
Не забывайте, государь, они мои, -
И это все не значит ничего.

Сигизмунд
Желать безумно, чтобы уважал
Я седины! Быть может, и твои
Когда-нибудь у ног своих увижу;
Ведь я еще не отплатил тебе
За воспитание мое. (Уходит.)

Василий

Но прежде,
Чем ты увидишь это, ты заснешь
И, пробудясь от сна, поймешь, что все,
С тобой случившееся здесь сегодня,
Как в мире бывшее, есть только сон!
(Василий, Клотальдо и свита уходят.)

Терпению Басилио приходит конец, и он решает отправить Сехизмундо обратно в темницу.
'Проснешься ты, где просыпался прежде' - такова воля польскою короля, которую слуги незамедлительно приводят в исполнение, снова опоив наследного принца сонным напитком.

Василий
Безумно наше любопытство!
Хочу я знать, что с Сигизмундом
Происходить в темнице будет,
И потому переоделся,
Чтоб не узнал меня никто.

Клотальдо
Вы видите, что снова здесь
Он в прежнем жалком положении!

Василий
О принц несчастный! в горький час
Родился ты. Ступай, Клотальдо,
И разбуди его, пора!
А то от сонного напитка
Он силу потерял и сам
Не скоро, может быть, проснется.

Клотальдо
Скажи мне, что во сне ты видел?

Сигизмунд
Ты называешь это сном!..
Но я скажу тебе, Клотальдо,
О том, что видел я очами,
А не о том, что только грезил.
О как жестоко я обманут!
Заснув в темнице, я проснулся
На ложе пышном и богатом;
По красоте и по убранству
Его сравнить возможно было
С благоухающим ковром
Цветов, рукой весны сотканным.
Там знатных тысячи людей,
Вокруг почтительно склонясь,
Меня царем своим назвали,
И пышной, царскою одеждой
И драгоценными камнями
Они украсили меня.
Моя душа была спокойна,
Но ты в восторг меня привел,
Когда сказал, что, несмотря
На прежние мои страдания,
Всегда был польским принцем я.

Клотальдо
Ты одарил меня за это?

Сигизмунд
Нет, не совсем-то одарил,
Но, как изменника, тебя
Два раза я хотел убить.

Клотальдо
За что же эта мне суровость?

Сигизмунд
Над всеми я повелевал,
Всем за себя хотел отомстить.

Одну лишь женщину любил,
И только это было правда:
Все, что там было, все исчезло,
Но не исчезла та любовь!

Клотальдо (в сторону)
Слова его услышав, царь,
Растроганный, уходит прочь.
(Сигизмунду.)
Мы об орле здесь говорили,
И потому немудрено,
Что власть увидел ты во сне;
Но и во сне бы не мешало
Любить и почитать того,
Который воспитал тебя
С таким терпением, Сигизмунд.
Всего разумней и вернее
Поступок добрый и во сне.
(Уходит.)

Клотальдо объясняет ему, что все, что тот видел, было сном, как и вся жизнь, но, говорит он назидательно, 'и в сновиденьи / добро остается добром'. Это объяснение производит неизгладимое впечатление на Сехизмундо, который те-перь под этим углом зрения смотрит на мир.

СЦЕНА 19-я

Сигизмунд один.

Сигизмунд

Да, правда! Мы должны смирить
Честолюбивые порывы
И буйный и жестокий нрав,
Когда мы в самом деле спим
И жизнью нашей только грезим.
Так мы и будем поступать,
В чудесном мире пребывая,
Где наша жизнь есть только сон.
Ведь опыт научил меня,
Что люди в этом мире спят
И грезят жизнью своей,
Пока от сна не пробудятся!
Царь спит и грезит, что он царь;
В обмане этом он живет,
Повелевая, управляя;
В займы дана ему хвала:
Она написана на ветре.
Увы! Царя в прах обратит
Царица смерть! о жалкий жребий!
И кто же царствовать захочет,
Когда он знает наперед,
Что в смертный час проснется он?
Богач своим богатством грезит,
Богатством, что полно забот,
Но также грезит и бедняк,
Терпящий нищету и голод.
Кто начинает наживаться,
Кто утомлен и жаждет счастья,
Кто оскорбляет и вредит, -
Все эти люди спят и грезят.
Ну, словом, грезят в мире все,
Хотя никто не замечает.
И сам я сплю и сам я грежу,
Что заключен в темнице я,
И грезил лишь, когда увидел

Себя в блистании царя!
Что наша жизнь? Одно безумье!
Одна иллюзия она,
Она лишь тень, мечты создание,
И в ней великое ничтожно.
Вся наша жизнь лишь сновиденье,
И сновиденья также сон {14}.

Басилио решает передать свою корону Астольфо, который не оставляет притязаний на руку Эстрельи. Инфанта просит свою новую подругу Астреа раздобыть для нее портрет, который принц Московии носит на груди. Астольфо узнает ее, и между ними происходит объяснение, в ходе которого Росаура поначалу отрицает, что она - это она. Все же правдами и неправдами ей удается вырвать у Астольфо свой портрет - она не хочет, чтобы его видела другая женщина. Ее обиде и боли нет предела, и она резко упрекает Астольфо в измене.

Узнав о решении Басилио отдать корону Польши принцу Московии, народ поднимает восстание и освобождает Сехизмундо из темницы. Люди не хотят видеть чужестранца на престоле, а молва о том, где спрятан наследный принц, уже облетела пределы королевства; Сехизмундо возглавляет народный бунт. Войска под его предводительством побеждают сторонников Басилио, и король уже приготовился к смерти, отдав себя на милость Сехизмундо.

СЦЕНА 14-я

Сигизмунд, Эстрелла, Розаура, солдаты, свита; Василий, Астольф, Клотальдо.

Солдат

Там в глубине, в ущельях гор,
Скрывается король.

Сигизмунд

Идите

За ним туда и все деревья,
За веткой ветку, ствол за стволом,
Скорее там вы обыщите.

Клотальдо

Бегите, государь.

Василий

Зачем?

Астольф

Что хочешь делать ты?

Василий

Астольф,
Оставь меня.

Клотальдо

Что ты задумал?

Василий

Испробовать задумал средство,
Которым я до этих пор
Пренебрегал. (Сигизмунду). Меня ты ищешь,
О принц, и я у ног твоих;
И пусть ковром их будет снег
Моих волос. Возьми корону,
И честь мою ты уничтожь,
И уважение ко мне.
Отмсти за прежние обиды.
Я пленник твой, и честь моя

В твоих руках. Я вижу ясно,
Что бесполезны все старанья.
Так пусть исполнятся теперь
Небес бывшие предсказания!
Я побежден своей судьбой.

Сигизмунд

Внемлите речи государя,
О знатные дворяне Польши,
Свидетели событий чудных,
Небес решение неизменно,
И лжи презренной не найдется
В предвечной книге у Творца,
В которой буквами златыми
И на лазоревой бумаге
Написана судьба людей!
Что там написано однажды,
То не обманет, не солжет.
Обман и ложь создание тех,
Кто в смысл великих предсказаний
Проникнуть хочет неискусно.
Вот мой отец стоит пред вами!
Он оградить себя хотел
От зла, которым угрожала
Судьба, когда царем я стану,
И воспитал меня, как зверя,
В пустыне дикой и безлюдной.
И если б я родился кротким,
И если б царственная кровь
Во мне текла струей ленивой,
То воспитание такое
Дало бы мне привычки зверя!
Прием искусный уничтожить
Дурные свойства человека!
И если бы сказали нам:
"Вот этот дикий зверь, проснувшись,
Вас растерзает", - неужели
Мы стали бы его будить,
Избегнуть гибели желая?
Когда бы кто-нибудь сказал:
"От этой шпаги ты умрешь", -
Того сочтем безумцем мы,
Кто, избежать желая смерти,
Клинок к своей груди приставит.
И если б нам известно было,
Что мы погибнем в бурном море,
Ужели б в море мы пустились,
Когда оно вздымает гордо
Зубчатые громады волн,
Кудрявые холмы кристаллов?
С моим отцом случилось то же,
Что с тем, кто на свою погибель
Разбудит яростного зверя,
Кто шпагу обнажает, зная,
Что он погибнет от нее,
Иль с тем, кто в море выплывает
Тогда, когда оно бушует²

---

² Т. е. - забросить человека с дурными наклонностями в пустыню, вместо того чтобы воспитанием постараться сгладить

И если б даже спящим зверем
Мой непокорный был характер,
А гнев мой - шпагою в ножнах,
А злоба - тишиною моря,
То все ж судьбы не победить
Жестокостью и грозным мщеньем:
Кто мстит, ее ожесточает.
Над ней победу одержать
Возможно лишь тому бывает,
Кто кроток и благоразумен.
До наступления беды
От ней спастись и уберечься
Нельзя тому, кто безрассудно
Стремится сам ее накликать!
И ясно, что смиреньем можно
Нам защищаться лишь тогда,
Когда ударит час несчастья!
А избежать страданий тяжких
Никто не властен на земле.
И пусть послужит вам примером
Все, что случилось в эти дни.
Немало здесь событий чудных,
Ужасных бед и приключений!
Не странно ли, друзья мои,
Что, несмотря на все старанья,
Отец лежит у ног моих,
Что он монарх - и побежден!?
Да, было здесь решение неба,
Его хотел он изменить,
И все ж не смог. Дерзну ли я,
Неопытный, ничтожный воин,
И меньший по годам и знанью,
Дерзну ли изменить его?
О встань, синьор, и дай мне руку,
И, чтобы ты вполне поверил,
Что заблуждался ты, желая
Небес решение изменить.
Скорее обними меня,
А я к твоим ногам склоняюсь.

Василий

Мой сын, какое благородство!
Ты как бы снова зачат мною!
Ты по природе государь,
Тебе приличны лавр и пальма,
Ты победил, и пусть тебя
Твои деяния прославят!

Все

Да здоровствует наш Сигизмунд!

Сигизмунд

И так как я хочу немало
Побед великих одержать,

его недостатки, так же безрассудно, как разбудить дикого зверя и т. д., ибо в пустыне трудно человеку исправиться от своих пороков. Этими словами Сигизмунд указывает Василию, что он сам вырыл себе яму.

То выше всех одна победа -
Победа над собой! Астольф,
Дай руку милой Розауре;
Ведь ты ее должник, и ныне
Я этот долг хочу взыскать.

Астольф
Согласен я, что должен ей;
Чья дочь она, не знаем мы,
И унижение и бесчестье
Жениться князю на такой!

Клотальдо
Постой, довольно! Розаура,
О князь, не меньше благородна,
Чем ты. Ее отец - Клотальдо,
Он шпагой защитит ее.

Астольф
Возможно ли?

Клотальдо
Я не хотел
Вам тайны этой открывать.
Пока я не увижу дочь
Любимой всеми и в почете,
И замужем за государем;
Рассказ об этом очень длинен,
Но все же дочь она моя.

Астольф
А если так, то я согласен.

Сигизмунд
А чтоб красавица Эстрелла
Поменьше плакала, грустила,
Теряя храброго Астольфа,
Свою ей руку предлагаю;
И если счастьем я и славой
Не выше славного Астольфа,
То все же с ним могу равняться!
Дай руку мне.

Эстрелла
Какое счастье
Выигрываю я с тобою!

Сигизмунд
Клотальдо верного, который
Так доблестно служил отцу,
Мои объятия ожидают
И с ними милости мои:
Все, что попросит, дам ему.

Солдат
Когда ты милости такие
Даешь тому, кто не служил

Тебе, то что же дашь ты мне,
Который был причиной смуты
И спас тебя из башни мрачной,
Где был навек ты заключен?

Сигизмунд
Василий
Мы удивляемся тебе!

Астольф
Чудесно он переменился!

Розаура
Как осторожен и разумен!

Сигизмунд
Напрасно ваше изумленье!
Моим учителем был сон:
Я все еще боюсь, что снова
Проснусь и вновь себя увижу
В темнице мрачной и печальной;
А если этого не будет,
То все же наша жизнь лишь греза,
И знаю я, что наше счастье
Проходит, словно легкий сон,
Хочу я насладиться им,
Покуда будет длиться он!
(К зрителям.)
Теперь за все ошибки наши
У вас мы просим извиненья:
Сердцам великодушным вашим
Приятно ближнего простить!

Со всеми Сехизмундо приветлив и справедлив, объясняя свое превращение тем, что боится снова проснуться в темнице и хочет пользоваться счастьем, словно сном.

Н. А. Матяш